

ИГРА БЕЗ ПРАВИЛ



Владимир
Гурвич



Александр Лобанов — бывший офицер, ныне неудачливый бизнесмен, обремененный долгами и предстоящим разводом. Неожиданно он получает приглашение на великосветский прием, потому как является потомком известного княжеского рода Лобановых-Тверских. На приеме он знакомится со своей аристократической родней, прибывшей из-за границы с конкретной целью: найти пропавшую во время гражданской войны ценную коллекцию картин, которая когда-то принадлежала их роду. Лобанов еще не знает, что с этой минуты в его жизни будет резкий поворот...

Владимир Гурвич

ИГРА БЕЗ ПРАВИЛ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

То, что с этой сделкой не все ладно, Лобанов почувствовал еще вчера. Посредник обещал позвонить, но не вышел на связь. И сегодня он стал названивать ему из автомобиля по мобильному. Но телефон в его офисе молчал, словно глухонемой.

Лобанов приехал к себе на работу, сел перед телефонным аппаратом и стал звонить почти непрерывно. Увы, с тем же результатом. Им овладело отчаяние. Неужели посредник все-таки обманул? А ведь его рекомендовали ему очень хорошие знакомые, которым он доверял почти также, как и себе.

Как он, Лобанов, мог так беспечно себя подставить? Купился на самый известный трюк. Посредник предложил ему такие выгодные условия, от которых не хватило сил отказаться. Прибыль, что сулила эта сделка, не только позволила бы заплатить наиболее горячие долги, но и оставляла кое-что на ближайшее житие-бытие. А деньги ему нужны просто позарез, иначе не спасти свой бизнес.

В последнее время дела шли неважно, появились сразу несколько конкурирующих фирм, которые пошли на него в атаку.

Вот в этот момент и появился, как черт из табакерки, посредник со своим замечательным предложением. Самым слабым местом этой коммерческой операции было то, что требовалась предоплата, да еще наличными. Но он понимал неизбежность этого условия, иначе никто на нее не согласится. Он с большим трудом наскреб двадцать пять тысяч долларов — и вручил их этому человеку. И теперь есть большие основания подозревать, что этот приятный и интеллигентный на вид парень просто исчез с его деньгами, которых хватит ему на несколько лет вполне безбедной жизни.

Так как телефон продолжал молчать, как партизан на допросе, он решил поехать в офис посредника. Он подъехал к нужному дому, прошел мимо полусонного охранника, который даже не попытался его остановить. Потом поднялся на лифте на третий этаж. Подошел к заветной двери, трижды с силой дернул ее. Она была заперта.

Внезапно за своей спиной он услышал какой-то шум. Если бы не отработанная за годы занятий спортом реакция, удар пришелся бы ему прямо в нос. Но он успел отклониться, и кулак с кастетом лишь слегка задел лоб.

Нападавшими оказались двое высоких и крепких молодых ребят. По их злобно искаженным лицам было видно, что намерение у них самые серьезные. Поэтому Лобанов не стал ждать их дальнейших действий, а сам ринулся в атаку. Тот, что с кастетом на пальцах, попытался повторить удар. Но не успел, Лобанов поймал его руку, а затем двинул ему кулаком в солнечное сплетение. Тот переломился пополам и, как попавшая на берег рыба, раскрыл широко рот и стал жадно заглатывать воздух. Лобанов же двинулся навстречу его напарнику. Противник выбросил вперед ногу, но сделал это непрофессионально, не вложив в удар ни настоящей энергии, ни филигранной точности. Лобанов легко ушел от нападения и сам ударил ступней в пах. Парень схватился за ушибленное место и упал.

На этом бой можно было считать законченным. Предстояло выяснить, кто эти двое? Лобанов подошел к одному из них, схватил его руку, угрожая ее вывихнуть. Мужчина, поняв его грозное намерение, испуганно и одновременно умоляюще посмотрел на него.

— Говори, ты кто? — спросил Лобанов.

— Мы клиенты этой фирмы. Пришли, а тут никого. Мы тут уже третий раз. И вот увидели вас. Думали, что вы с ним заодно.

— Он взял у вас деньги?

Мужчина кивнул головой.

— Много?

Тот замялся с ответом.

— Да говори же, все равно их уже не видать, как своих ушей.

— Пятьдесят тысяч баксов.

Лобанов присвистнул и отпустил руку. Надо отдать должное тому парню, работал он с размахом. Скорей всего он сейчас так далеко от своего офиса, что отыскать его в ближайший исторический период будет также сложно, как поймать в сумку ветер.

— Я тоже попал в такую же историю, — вздохнул Лобанов, отпуская руку своего недавнего противника.

Дальнейший разговор восстановил всю историю мошенничества. Впрочем, его действия по отношению к этим двум ребятам мало отличались от того, как складывались у него дела с ним. Обменявшись визитками, товарищи по несчастью вышли из здания и разъехались.

Ехать в свой офис ему не хотелось, он понимал, что сегодня его фирма окончательно и бесповоротно, подобно Титанику, натолкнувшись на свой айсберг, прямиком пошла ко дну. Остается урегулировать взаимные претензии с партнерами, налоговыми органами, а потом повесить на дверь большущий замок. И на этом все.

Лобанов подумал, что сегодня один из самых печальных дней его жизни. На два часа назначено заседание суда, который должен будет поставить последнюю точку в его семейной мелодраме. Отношения с женой давно двигались к такому финалу, горячая и страстная любовь как-то быстро и незаметно перешла в холодное взаимное равнодушие. Но они долго тянули, не решаясь признаться друг другу, что дальнейшая совместная жизнь потеряла для них смысл. Точку помогла поставить сама жизнь. Правда, сделала она это на редкость банально. Он на один день возвратился раньше из деловой поездки, вошел в квартиру, прошел в спальню, зажег свет — и увидел как с их супружеской на него смотрят две пары испуганных глаз. Одна пара была ему хорошо знакома, она принадлежала супруге, другая — неизвестному ему мужчине.

Лобанов не стал устраивать положенный в этой ситуации скандал. Он вообще ничего не стал говорить, все было понятно и без слов, как в немом кино. Он просто повернулся и вышел из квартиры.

Несколько дней он не показывался дома, ночевал в своем маленьком офисе, стеля все, что было у него под рукой, на стол. После того, как эта крайне неудобная жесткая постель ему до чертиков надоела, он вернулся в квартиру. Они быстренько все обсудили и пришли к единодушному согласию

о необходимости официального развода.

Он подъехал к зданию суда и увидел, что Светлана уже ждет его. В своем дорогом темном костюме она выглядела весьма привлекательно. Теперь он понимал, на какой дешевый крючок попался почти десять лет назад. Как и в том парне, его привлек в ней этот внешний лоск, умение подать себя с самой лучшей стороны. Причем, ослепление было настолько сильным, что понадобилось не меньше пяти лет, чтобы начала бы спадать пелена с его взгляда на нее, и он словно после операции на глазах, стал наконец-то различать подлинные качества ее натуры.

Он припарковал машину и подошел к ней. Она встретила его появление внешне спокойно.

— До двух часов осталось пятнадцать минут, — сказал Лобанов, посмотрев на часы. — Последние пятнадцать минут нашей супружеской жизни. Забавно.

— Что тут забавного, — почему-то раздраженно произнесла Светлана. — Все когда-то кончается.

Он с каким-то новым интересом взглянул на нее. К нему пришла одна довольно странная мысль.

— Скажи мне честно, когда ты выходила за меня замуж, ты думала о том, что придет сегодняшний день.

— Ты хочешь знать правду, — усмехнулась

она. — Вы, мужчины, странные создания, вы всегда хотите знать правду, когда она уже ничем не поможет помочь. Вам нравится с помощью нее мучать свое самолюбие. Я отвечу тебе: да, я почти не сомневалась, что наш брак — не на всю жизнь. Это не означает, что я тебя не любила, но меня не покидало ощущение, что мы слишком разные, чтобы протянуть до самого конца.

— Но тогда зачем было выходить замуж, если ты была уверена в таком исходе?

— Я вовсе не жалею о том, что сделала. До определенного момента мне было хорошо с тобой. Потом этот момент прошел, и я почувствовала, что меня интересуют другие мужчины. Если бы ты отнесся к этому обстоятельству с пониманием, как знать может быть мы бы и не стояли тут. Многие семьи как раз это и спасает.

— Между прочим, я тебе не изменял, хотя возможностей было выше крыши, — вдруг зло проговорил Лобанов.

— Ты считаешь это своей величайшей заслугой, за которой надо давать орден. Но от того, что ты не изменял мне, я не чувствовала себя более счастливой. Мне хотелось новых ощущений и впечатлений, а из твоей верности ничего нельзя было выжить нового. И еще мне до смерти надоело наблюдать за твоими новыми вечными начинаниями. И при этом с каждым годом мы жили

все хуже и хуже. Ты не в состоянии обеспечить семью, так как мне нужно.

В этом она права, подумал Лобанов. Может, это единственная удача последних месяцев, что они, наконец-то, разводятся.

— Нечего сказать, — произнесла довольная Светлана. — Так что у нас единственная дорога — через эти двери, — кивнула она на вход в суд. Она посмотрела на часы. — Два часа, пора.

— Да, пойдём, — кивнул он головой.

— Не оставила ли я дома паспорт? — Светлана открыла сумочку, нашла документ, затем извлекла из нее какой-то конверт. — Совсем забыла, тебе же пришло послание. — Она протянула его ему.

На конверте золотыми каллиграфическими буквами было выведена надпись: «Его сиятельству князю Лобанову-Тверскому».

Светлана с любопытством взглянула на него.

— Кто-то впервые вспомнил о твоём знатном происхождении.

Он положил конверт в карман.

— Потом прочту, сейчас у меня другие дела...

Процедура развода заняла немного времени. Привыкшая к таким процессам судья, задала несколько дежурных вопросов, не надолго удалилась, затем, вернувшись, вынесла вердикт: их брак больше не существует, отныне они не муж и

жена, а чужие друг другу люди.

Они вышли на улицу.

— Ну, все, с этим делом, слава богу, покончили — сказал он, немного удивляясь своему спокойствию. — Поеду по своим делам. В ближайшие дни обсудим, как будем делить квартиру, имущество и все остальное вместе нажитое.

Лобанов махнул рукой и направился к машине.

— Это все, что ты хочешь мне сказать, — догнал его ее голос.

Он остановился.

— Знаешь, я вдруг понял, что я тебе совершенно не хочу ничего больше говорить. Как здорово, что отныне я не твой муж и не должен отдавать тебе никаких отчетов.

Лобанов увидел, как покрылось лицо Светланы бурыми пятнами обиды. Раньше это предвещало скандал. Но сейчас это зрелище его уже не беспокоило, гораздо больше сейчас его интересуют другие дела. Он сел в машину и поспешно отъехал от ЗАГСа.

Лобанов проехал немного, всего один квартал. Он остановил машину и развернул конверт.

Вязь письма занимала всего несколько строчек короткого текста. Вернее, это было не письмо, а приглашение. «Ваше сиятельство! Его

сиятельство князь Лобанов-Тверский Дмитрий Львович имеет честь пригласить вас на прием, который состоится 5 июня сего года по случаю его возвращения на историческую Родину». Далее следовали время и адрес, где должно было состояться это знаменательное событие.

Да ведь сегодня же 5 июня, до начала приема остается всего каких-то три часа! Что же ему делать с этим неожиданно свалившимся на него приглашением? И кто такой его сиятельство князь Дмитрий Львович Лобанов-Тверской? Смутное воспоминание слабым огоньком зажглось в его сознании. Кажется, однажды отец упоминал это имя. Правда это было очень очень давно. Отец никогда и никому не рассказывал, что является прямым потомком знатного дворянского рода. И Лобанов долго ничего не знал об этом обстоятельстве. И может быть, он бы и дальше пребывал в неизвестности, если бы не странная двойная фамилия. Эта фамилия с самого раннего детства приносила ему массу неприятностей, так как ровесники всячески дразнили его, придумывали самые разные, чаще всего очень обидные окончания: Лобанов-Зверский, Лобанов-Мерзкий, Лобанов-Людоедский и еще множество подобных вариантов.

Однажды, заплаканный, он пришел домой и направился напрямик к отцу. Мальчик в

ультимативной форме потребовал изменить свою фамилию, отрезать от нее ее вторую, по его мнению, абсолютно вредную часть. И вот тогда он впервые услышал от отца про то, что этим именем надо гордиться, что эта фамилию принадлежит известному и славному княжескому роду, чьи представители оставили немало самых разных замечательных следов в отечественной истории.

Больше отец не стал ничего рассказывать, но Лобанов вдруг испытал необычное ощущение какой-то глубины, будто он погрузился в бездонный океан прошлых лет. Как раз в этот период они проходили в школе русскую историю; имена князей, графов встречались на каждой странице учебника. И оказывается, его предки тоже имели шансы попасть в эту книгу.

Нельзя сказать, что этот короткий разговор пробудил у него сильное желание получше узнать генеалогию своего рода. Но больше отрезать от своей фамилии ее вторую часть у отца он не просил. Сам же отец не возвращался к этой теме, не пытался посвятить своего отпрыска в историю их рода. Впрочем, знал ли он ее сам? Он вел жизнь рядового обывателя, работал в скромной должности заместителя начальника отдела в одном из научных институтов, получал небольшую зарплату и сколько Лобанов помнил, главный вопрос, который постоянно возникал в их семье: как дотянуть до

получки.

Но однажды, возвратясь после уроков домой, Саша увидел отца. Обычно в это время он находился на работе. Лицо его было расстроенным. Он пояснил: вчера умерла его двоюродная тетка Анастасия Владиславовна. Завтра похороны, обещали приехать много людей, в том числе и глава их княжеского рода Дмитрий Львович.

Все же кажется он, Лобанов, не ошибается, отец тогда произнес именно это имя. И хотя он назвал его всего один раз, почему-то оно глубоко отпечталось на какой-то пластине в мозгу мальчика. Но тогда Дмитрий Львович по каким-то причинам на похороны не прибыл. Не исключено, что его не впустили в страну, в тот период князья ей не требовались.

Что касается Анастасии Владиславовны, то Саша видел ее всего один раз. Когда он был еще совсем маленьким, они всей семьей отправились к ней в гости на какой-то юбилей. Жила она под Москвой и, если память верно сохранила воспоминания о том путешествии, они довольно долго ехали на электричке.

Но больше всего его поразил ее дом — двухэтажный, с верандой и мезонином. Запомнилось и то, что на стене висели несколько картин. Он долго их рассматривал. Но скорей всего его внимание привлекла не сама живопись, а

красивые золотые рамы.

Он довольно хорошо запомнил тот день. У лежащей в гробу старой женщины даже смерть не похитила остатки былой красоты.

Это почти все, что он помнит и знает о своем княжеском роде. Даже стыдно от своего невежества и беспамятства. Так идти на прием или не идти?

Внезапно к Лобанову пришла мысль о том, что на таких приемах надо же быть соответственно одетым то ли во фрак, то ли в смокинг. Разумеется, в его гардеробе никогда не было подобной одежды. Но все же надо вырядиться как можно лучше. А его выходной костюм висит в квартире. Значит, придется ехать туда, встречаться со Светланой. Вот уж чего совершенно не хочется.

Он открыл дверь своими ключами. Светлана была уже дома. Она удивилась, увидев его.

— Я пришел взять некоторые вещи, — объяснил он свое внезапное появление.

— Раз уж ты пришел, давай обговорим все имущественные и финансовые вопросы. Мы же не можем жить так, как жили.

— Ясно не можем, но, пожалуйста, лучше отложим все объяснения. У меня сейчас голова забита другими мыслями.

— Это понятно, ты же идешь на великосветский прием, — насмешливо проговорила она. — Ты же у нас князь, потомок знаменитой

династии. — Насмешка в голосе перешла в сарказм.

— Да, я князь. И что? Прошли времена, когда стыдились своим происхождением. Сейчас им принято гордиться.

— Князем быть не зазорно, зазорно быть нищим князем. Знаешь, было время, когда я гордилась, что являюсь женой князя, ношу его двойную фамилию.

Лобанов прошел к шкафу, извлек оттуда костюм, галстук, рубашку. Да, все это выглядит не слишком шикарно.

Лобанова охватило такое сильное раздражение, что он решил, что никуда не пойдет. Всю жизнь обходился без своих знатных родственников, проживет без них и впредь.

— Давай я тебе поглажу костюм, — вдруг услышал он голос бывшей жены. Это предложение настолько поразило его, что он не нашелся что возразить.

Светлана взяла из его рук костюм и рубашку и стала гладить.

— Знаешь, мне почему-то стало грустно, — вдруг на секунду прервала Светлана глажение. — Когда я увидела приглашение, то подумала, что после развода лишаюсь звания княгини.

Лобанов вдруг засмеялся. Светлана — княгиня, никогда, даже мысленно, он не называл ее так. Но, оказывается, она втайне гордилась тем, что

обладала правом так именоваться. Любопытно, какие еще неожиданные факты ему предстоит узнать посла развода?

Светлана протянула ему костюм и рубашку. Он внимательно оглядел вещи. После глажения они выглядели лучше. И все же от его выходного костюма отдавало убожество. Ладно, какой он есть, таким он и будет выглядеть.

Хотя идти на прием еще было рановато, оставаться в квартире со Светланой ему не хотелось.

— Я пойду, — сказал Лобанов. И быстро двинулся к двери.

Глава вторая

В приглашение в качестве места проведения приема была указана одна из самых престижных гостиниц Москвы. В ней он еще не бывал. Швейцар услужливо отворил перед ним тяжелую дверь. Он прошел внутрь и оказался совсем в ином мире.

Посередине холла, издавая тихую однотонную мелодию, словно играющий на одной струне музыкант, журчала вода в бассейне. По его дну скользила разноцветная палитра рыб. На подиуме за черным роялем, одетый в белый фрак пианист, заполнял окружающее пространство мягкими нежными звуками.

К Лобанову приблизился служитель гостиницы.

— Вам чем-нибудь помочь? — спросил он.

— Я пришел по приглашению. — Он протянул открытку.

— Вам на второй этаж вон по той лестнице. Там уже почти все собрались.

Лобанов вдруг почувствовал волнение. Сейчас он встретится с людьми, которые произошли от одного с ним древа. Как они его примут? Чего скрывать, по сравнению с ними он весьма неотесанный малый. Его никогда не обучали ни красивым манерам, ни этикету, ни искусству бального танца — всему тому набору навыков, которым должен обладать настоящий аристократ. Вдобавок в последнее время он имел дело преимущественно с людьми грубыми, подчас просто примитивными. А чтобы улажить их, пил с ними водку и даже что покрепче, не стесняясь, ругался матом, совершал другие поступки, которые никак не могут служить украшением его биографии.

Лобанов поднялся на второй этаж и сразу понял: он пришел туда, куда шел.

По холлу дефилировали несколько десятков человек. Все дамы — в длинных вечерних платьях, мужчины — во фраках и смокингах. Многие из присутствующих держали в руках бокалы с вином,

которые разносили на подносах официанты.

Он стоял неподвижно на одном месте, не зная, что делать. В такой нерешительности он уже пребывал никак не меньше пяти минут. Никто не обращал на него никакого внимания, хотя за это время мимо него продефилировали почти все присутствующие на приеме. Он был прав, ему нечего тут делать. А потому он уходит.

Внезапно к нему приблизился какой-то мужчина примерно одного с ним возраста. Одет он был идеально, фрак великолепно облегал его стройную фигуру, словно он в нем родился.

— Извините, могу ли я поинтересоваться: вы пришли на прием по приглашению Дмитрия Львовича? — осведомился он.

— Да, мне прислали приглашение.

— В таком случае можно узнать ваше имя?

— Моя фамилия Лобанов-Тверский.

— Александр Сергеевич! — воскликнул мужчина с такой радостью, словно он только что узнал, что ему завещано большое наследство.

— Да, меня зовут Александр Сергеевич, — подтвердил Лобанов.

— Мы вас все с нетерпением ждем. Дмитрий Львович много раз спрашивал, не пришли ли вы? Пойдемте скорей к нему, он будет очень рад, что вы, наконец, объявились.

Они вошли в просторный зал. Людей там

было меньше, чем в холле, но вели они себя точно также: прогуливались вдоль стен, маленькими глоточками отпивая вино из бокалов. Мужчина подвел его к пожилому человеку, вернее к старику, который сидел в кожаном кресле.

— Дмитрий Львович! — почтительно обратился он к нему, — я привел его. Разрешите вам представить: его сиятельство князь Александр Сергеевич Лобанов-Тверской.

Дмитрий Львович сделал над собой усилие и, опираясь на палку, поднялся с кресла. Он оказался высокого роста и, несмотря на возраст, в нем ощущалась не до конца похищенная годами стать. Когда-то у этого человека была великолепная выправка, совсем как у военного? А может быть, он и был военным, подумал Лобанов?

И все же более всего его поразила внешность Дмитрия Львовича. Еще достаточно густые, но абсолютно седые волосы были тщательно уложены. Далее шли мохнатые брови, из под которых смотрели пронзительные темные глаза. Большой орлиный нос вытягивал лицо вперед. Губы были очень тонкими, а выдвинутый овал подбородка придавал ему выражение замкнутости и надменности.

Несколько секунд они смотрели друг на друга. Внезапно лицо засветилось радостью. Он сделал шаг вперед к Лобанову и обнял его.

— Как я рад, что наконец вижу вас, — проговорил он еще вполне бодрым, не старческим голосом. — Не буду скрывать: я очень опасался, что вы не примите мое приглашение.

Старик продолжал по-отечески обнимать Лобанова; Лобанов же чувствовал себя по-дурацки. Он не представлял, что должен делать в такой ситуации? Обниматься с незнакомым мужчиной — такого в его жизни еще не было.

Кажется, Дмитрий Львович уловил его смущение. Он сделал шаг назад, к креслу.

— С вашего разрешения я сяду. Мне трудно стоять. И вам сейчас тоже принесут кресло. — Иннокентий, пожалуйста, принесете князю кресло.

— Сейчас принесу, Дмитрий Львович, — тут же отозвался Иннокентий.

Только сейчас Лобанов заметил, что все то время, что длилась сцена знакомства, Иннокентий внимательно наблюдал за происходящим. Их взгляды невольно встретились. Молодой человек по-дружески улыбнулся Лобанову.

Через полминуты он поставил кресло рядом с ним. Лобанов сел.

— Я вижу, вы немножко смущены этой обстановкой, — проговорил Дмитрий Львович.

— Смущен, — не стал скрывать Лобанов. — Я никогда не придавал большого значения моему происхождению и был далек от дел нашего рода.

Поэтому не знаю здесь никого. В том числе и вас.

На лице старика отразилось изумление.

— Боже, вы, в самом деле, ничего не знаете. Ваш отец вам ничего не рассказывал?

— Нет. Он никогда не вспоминал о своем происхождении. Его жизнь пришлась на период, когда такие вещи обычно скрывались.

— Да, да, мне это хорошо известно. Значит, вы никого не знаете, включая меня. — Теперь на его лице проступила нечто вроде улыбки. — В таком случае давайте знакомиться. Я, как и вы, князь Лобанов-Тверский Дмитрий Львович. Являюсь главой рода князей Лобановых-Тверских. Хотя родился в этой стране, но большую часть свою сознательной и бессознательной жизни провел во Франции, а также в некоторых других странах. Но всегда мечтал поселиться Родине. И я счастлив, что моя мечта, наконец, сбывается. И чем бы я ни занимался, у меня было постоянное дополнительное занятие: я собирал информацию о нашем роде, о живых и мертвых его представителях. Мне давно известно о вашем существовании. Правда, как и вы, я практически ничего не знаю о том, что вы из себя представляете. Но теперь, я надеюсь, мы устраним этот досадный пробел. Хотелось бы верить, что теперь у нас будет возможность часто общаться. — Дмитрий Львович слегка наклонился к своему собеседнику, как бы

приглашая сделать его то же самое. — Я решил умереть на Родине. Я не вернусь во Францию, я останусь тут, навсегда, — очень тихо, словно сообщая великую тайну, произнес он. — Об этом еще никто не знает.

— Я никому не скажу, пока вы не дадите мне на то разрешение, — пообещал Лобанов.

Старый князь довольно рассмеялся.

— Вот у нас с вами и появилась общая тайна. Ничего так не сближает людей, как общие секреты. Поверьте старому подпольщику, я проверил это на собственном опыте.

— Вы были подпольщиком? — искренне удивился Лобанов.

— Да, во время войны, подпольщиком и партизаном. К ее началу я служил офицером во французской армии. Впрочем, в своей жизни я перепробовал множество занятий, но по-настоящему ни одно не удовлетворило меня. Я хочу вам представить вашего двоюродного брата. — Иннокентий, ты где?

— Я тут, Дмитрий Львович, — тут же отозвался Иннокентий.

— Познакомьтесь с его сиятельством, князем Александром Сергеевичем.

Иннокентий подошел к Лобанову. Он поспешно встал. Они пожали друг другу руки. Лобанов внимательно разглядывал только что

обретенного родственника. У него было приятное, даже скорей красивое лицо. При этом очень подвижное, буквально через каждые несколько секунд на нем, как на экране телевизора, появлялось новое выражение.

— Поверьте мне, я говорю искренне, я очень рад нашему знакомству, — негромко проговорил Иннокентий, не выпуская из своей руки ладонь Лобанова. — Я бы очень хотел, чтобы мы с вами стали бы друзьями. И Дмитрий Львович тоже этого хочет.

— Нам никто и ничто не мешает стать друзьями, — не вполне искренне ответил Лобанов. На самом деле он почему-то подумал, что таких препятствий может оказаться весьма немало.

— Мы с вами обязательно о многом поговорим. А сейчас мне надо идти к гостям, я на этом приеме исполняю роль метрдотеля, — засмеялся Иннокентий. — Тем более наши гости, кажется, начали скучать.

Иннокентий быстрой походкой вышел из зала. Дмитрий Львович проводил его взглядом.

— Его главная проблема — он не может найти себе занятие по душе, — вдруг проговорил он. — А как у вас с этим делом обстоит? При следующей нашей встрече вы подробно расскажите о себе и о своей жизни. Вы не возражаете?

— Нет, с удовольствием сделаю это. Только

будет ли вам интересен мой рассказ?

— Это уж позвольте судить мне. Вы не понимаете, насколько это для меня важно. Кто-то должен прийти мне на смену и стать главой нашего рода, продолжить вековые традиции. Мне же скоро уходить на вечный покой. Хотел бы быть похороненным на родовом кладбище.

— А оно существует?

— Боюсь, что нет. Хотя раньше существовало. Там покоились несколько поколений князей Лобановых-Тверских.

Дальнейший их разговор прервался сам собой, так как в этот момент в помещении вошли музыканты. Заиграла музыка. Все гости потянулись в зал.

Официанты заскользили по паркету, разнося хрустальные бокалы с шампанским. Разлитое в них вино казалось растопленным золотом.

Лобанов тоже взял бокал и отошел к стене. Все же устремились чокаться с виновником торжества.

Внезапно в центре зала появился еще один персонаж этого действия. Одет он был для этого приема несколько странно — в форме казачьего офицера, в каракулевой папахе. В этой явно непривычной для него обстановке он выглядел откровенно смущенным, вызывая у Лобанова сочувствие к себе.

— Извините за то, что отнимаю время у вас, господа и дамы, — сказал он, — но позвольте представиться, я атаман войска того самого района, откуда пошел славный род наших князей Лобановых-Тверских. Мое имя Петр Луцкой. Сюда меня прислали станичники. Они просили передать поклон глубокоуважаемому Дмитрию Львовичу и сказать, что мы помним князей Лобановых-Тверских. Мы помним, что наши предки сражались под предводительством князей Лобановых-Тверских. И всегда они вели себя по-геройски. Не хочу отнимать у вас, уважаемые господа время, поэтому переходу к заключительной части своего выступления. Наши станичники попросили меня вручить вам, дорогой князь, вот эту форму полковника казачьего войска. Наш казачий круг постановил, чтобы вы передали бы ее тому, кто по вашему выбору унаследует место главы рода Лобановых-Тверских.

Казачий атаман достал из пакета комплект новенькой формы, приблизился к старому князю, который взволнованный встал с кресла, и торжественно вручил ему амуницию. Затем они трижды поцеловались.

Атаман по-прежнему испытывал смущение, он смотрел по сторонам, словно ища того, с кем ему будет легко найти общий язык. Внезапно его взгляд упал на Лобанова. Казак решительно двинулся к

нему.

Он остановился возле Лобанова.

— Извините, — проговорил атаман, — могу я к вам обратиться?

— Конечно, — улыбнулся Лобанов, — буду рад.

— Вижу, вы здесь, как и я, не очень в своей тарелке.

— Не очень, — признался Лобанов. — Никогда не был в таком великосветском обществе.

Луцкой с каким-то значением посмотрел на него.

— А я знаю, кто вы, — вдруг произнес он. — Вы князь Александр Сергеевич.

— Откуда вам это известно? Мы же никогда не встречались раньше.

— Это правда, но мы наводили справки.

— Кто это мы?

— Мы — казаки. Мы восстанавливаем свои ряды и очень надеемся на помощь князей Лобановых-Тверских. Нам нужны предводители.

— Но я родился и вырос в Москве и с вашим краем не имел никогда никаких связей.

— Это мы понимаем. Но по происхождению вы же наш. А связи дело наживное, сегодня их нет, завтра они есть. Без вашей помощи нам не обойтись. Ваши предки нам здорово помогали, и мы надеемся, что вы поможете и сейчас.

Приезжайте к нам, мы всегда будем рады. Поможем, чем сможем. К родным местам человек всегда тянется. Вот Дмитрий Львович, уже какой старик, а все-таки возвратился. И вам однажды захочется приехать. Пора в ваших делах порядок навести.

— Что это означает?

Луцкой загадочно взглянул на Лобанова.

— Всему свое время. А если надумайте приехать и вам понадобится какая помощь, то обращайтесь. Я всегда готов помочь князьям Лобановым-Тверским.

— Спасибо. Если вдруг понадобится, непременно обращусь.

— Вот и добре. Не стану больше вам докучать. Тем более скоро ехать, через два часа поезд.

Атаман протянул Лобанову крепкую руку, и они обменялись рукопожатием.

Странная встреча, подумал Лобанов, но дальше размышлять ему на эту тему не позволил Иннокентий, который в этот момент снова подошел к нему.

— Ну, как наш праздник? — спросил он, улыбаясь. — Мне кажется, вполне удался. А вам?

— По-моему, все очень замечательно. Вы так не считаете?

На лице родственника вдруг проступило

презрительное выражение.

— Если посмотреть по внимательней, то очень много лиц не имеют право здесь присутствовать. Разумеется, последние десятилетия многое перемешали, чистую кровь сейчас также трудно найти, как чистую реку. Но тем важнее проводить селекционную работу. Я считаю, что в людях, как в лошадях крайне важна чистота породы. Ее компенсировать невозможно ничем: ни образованием, ни воспитанием. Вы, не согласны со мной?

— Честно говоря, не знаю, до сего дня я совершенно не ощущал свою породу. И даже не знаю, что именно должен чувствовать князь. Вы действительно уверены, что это некий знак, перст судьбы, клеймо?

— Без всякого сомнения! — вдруг горячо воскликнул Иннокентий. — Я это клеймо ощущал с раннего детства. И мои родители мне постоянно внушали эту мысль. И особенно вот он, — кивнул Иннокентий на старого князя, который окруженный толпой приглашенных, не был виден. — С детства помню его разговоры о дворянской чести, порядочности, достоинстве. Я понимаю, сейчас такие разговоры с детьми давно никто не ведет. Но для таких людей, как Дмитрий Львович, время остановилось. Или даже никогда не существовало. Оно само по себе, а они сами по себе. Я виду по

вашему лицу, вы не совсем мне верите, что так бывает.

Лобанов едва заметно пожал плечами и сделал глоток из бокала. Шампанское было очень вкусным, такое он пил всего пару раз в жизни. Не исключено, что его делали по специальному заказу, подумал он.

— Дело все в том, что для меня все это непривычно. Я живу совсем в другом мире, где задумываются совсем над другими вопросами.

— Но теперь вам придется поменять некоторые представления, — убежденно произнес Иннокентий. — Я вам открою маленькую тайну, только не выдавайте меня Дмитрию Львовичу на растерзание, так как он будет сильно сердиться. А в гневе он, между прочим, страшен даже сейчас. По отношению к вам у него очень большие планы. Я наблюдал за вашим разговором, вы ему понравились.

— Почему вы так думаете, он же вам ничего не говорил?

— Я следил за тем, как он с вами разговаривал. А я знаю его реакцию, когда он доволен собеседником, а когда — нет.

Лобанов пожал плечами, так как не знал, как ему относиться к этому сообщению. И какое последствие оно будет иметь для него.

— Знаете, — вдруг широко улыбнулся

Иннокентий, — мы с вами все же родственники и вполне можем перейти на «ты».

— Не возражаю, думаю, так будет действительно лучше.

Лобанов увидел, как обрадовался Иннокентий.

— Предлагаю, выпить в честь этого великого события, — засмеялся он.

— С удовольствием, — ответил Лобанов.

— Официант! — позвал Иннокентий.

К ним заспешил официант, Иннокентий снял с подноса бокал, подал его Лобанову, затем взял шампанское себе.

— За знакомство, которое, надеюсь, очень скоро перерастет в дружбу, — предложил тост Иннокентий.

— Согласен.

Они выпили и поставили опустевшие бокалы на поднос стоящего рядом с ними официанта.

— Тебе, наверное, не очень уютно в этом великосветском зоопарке? — вдруг заметил Иннокентий, внимательно наблюдающий за своим родственником.

— Честно говоря, да.

— Это пройдет после того, как ты познакомишься с некоторыми из тех, кто тут присутствует. Ты увидишь, что ничего в них страшного нет. Обычные люди. Конечно, встречаются те, у кого много фанаберии. Я

правильно произнес это слово?

— Правильно.

— Я специально посмотрел его сегодня в словаре. По-твоему, я хорошо говорю по-русски.

— Очень хорошо, лишь с легким акцентом. Впрочем, иногда его даже не замечаешь. Где ты научился, ведь русский — не твой родной.

— А я не знаю, какой мой язык родной, — засмеялся Иннокентий. — Я единственный в мире человек, который не имеет родного языка. Я начинал говорить по-французски. Потом родители перевезли меня в Америку. Пришлось осваивать английский. А дома они требовали, чтобы я говорил только по-русски. Потом мы недолго жили в Латинской Америке, я стал обучаться испанскому. Кроме того, русским я много занимался в университете, когда там учился. Я — искусствовед, специализируюсь на живописи, преимущественно русской. Впрочем, моя специальность — самая во мне несущественная вещь. Если пожелаешь, я тебе как-нибудь расскажу о себе подробнее. И ты мне расскажешь о себе. Если мы родственники, то должны знать друг о друге как можно больше.

Лобанов кивнул головой. Скорей всего он пожелает. Он чувствовал, что Иннокентий ему нравится все больше. Все, что он говорил, жесты, которыми сопровождал свои слова, были наполнены каким-то трудно уловимым шармом.

Это, наверное, и есть тот самый настоящий врожденный аристократизм, подумал Лобанов.

Иннокентий замолчал, он явно выискивал кого-то глазами. Вдруг лицо его изменилось, приняло какое-то странное выражение. Он наклонился к Лобанову.

— Сейчас я тебя кое с кем познакомлю, и тебе сразу станет здесь интересно. Извини, я тебя на минутку оставлю.

Иннокентий быстрыми шагами направился в центр зала. Он подошел к одетой в черное строгое платье молодой женщине, что-то ей сказал и при этом взглянул на Лобанова. Та тоже посмотрела в его сторону и кивнула своей с тщательно уложенной прической головой.

Лобанов почувствовал волнение, так как уже заметил эту женщину, она чем-то неуловимо выделялась среди остальных дам.

Он внимательно смотрел на приближающуюся к нему женщину. На вид ей было не больше двадцати пяти, она была высокого роста, стройная, хотя на его вкус чуть-чуть худощава. Тонкое лицо назвать очень красивым — значит, было допустить некоторое преувеличение, но оно было очень приятным и запоминающим с первого взгляда. Но самым впечатляющим было то, что это было типичное лицо аристократки — такого удивительного выражения, которое не поддавалась

описанию словами, он не встречал на лицах других мужчин и женщин.

— Разреши тебе представить моего родственника и я, надеюсь с этого дня и друга, его сиятельство князя Лобанова-Тверскому Александра Сергеевича, — торжественно произнес Иннокентий. При этом он весьма уверенно держал молодую женщину за локоть. — Это баронесса Наталия фон Мекк, хотя мы все ее называем просто Натали. Может быть, со временем она так разрешит называть ее и тебе. А это большая честь.

— Никогда не относитесь к его словам всерьез. Буду только рада, если вы станете меня так называть, — улыбнулась баронесса.

— Кстати, ты, наверное, помнишь, она наша соседка, — произнес Иннокентий.

— Какая соседка? — не понял Лобанов.

— Их имение располагалось недалеко от нашего, всего в каких-то десяти километрах. А наш род дружил с их родом. Мы даже приходимся друг друга дальними родственниками.

— Насколько я знаю очень дальними, — уточнили Натали.

— Все равно родственниками, — упрямо повторил Иннокентий.

. — Могу я вас спросить: чем вы занимаетесь, князь?

Лобанов почувствовал смущение. На этот

вопрос князю не так-то легко ответить. После того, как фактически лопнул его бизнес, трудно сказать, чем он занимается. Но ряд ли стоит посвящать в свои неприятности эту даму.

— Я — бизнесмен, — коротко и неопределенно ответил он.

Он почувствовал, как сразу возрос интерес к нему.

— У вас большая компания?

— Нет, маленькая посредническая фирма. В России трудно вести большой бизнес, — словно оправдываясь, добавил он.

— Я тоже хочу организовать тут бизнес. Вы меня не проконсультируете?

— Буду рад помочь, чем смогу. А каким бизнесом вы хотите заниматься?

Натали немного удивленно, будто не вполне понимая вопроса, посмотрела на Лобанова.

— А разве это имеет большое значение. Главное наладить дело, чтобы оно приносило доход, а торговать ли косметикой или собирать компьютеры не важно. Я правильно мыслю?

— Я с тобой не согласен, — вдруг вмешался в разговор Иннокентий. — Вспомни, судьбу отца, он рассуждал так же, как ты. А чем все это кончилось.

На лицо баронессы легла большая, как при солнечном затмении, тень.

— Папе не повезло. Иначе он бы добился

успеха, — сухо отреагировала Натали на выпад Иннокентия.

— Важно то, чем все завершилось. Финал всегда важнее начала. Ну, скажи, разве я не прав? — обратился он к Лобанову.

Лобанов вспомнил о своем финале.

— В данном случае я поддерживаю своего более близкого родственника, — улыбнулся он.

— Я вижу, вы уже успели сговориться против меня, — вдруг без всякой обиды засмеялась Натали. Князя Лобановы-Тверские всегда выступали против баронов фон Мекк.

Лобанов заметил, что когда она смеялась, ее лицо преображалось, аристократическая маска слетала с него и сквозь нее проглядывала веселая жизнерадостная девушка. Какая же из двух ипостасей истинная? — мысленно спросил он ее.

— Я ужасно рада, что мы с вами познакомились, — на мгновение дотронулась до его руки Натали. — Надеюсь, мы теперь станем часто видеться, тем более вы обещали стать моим консультантом по занятию бизнесом. А я умею требовать обещанное. Иннокентий вам подтвердит.

— Ты не знаешь ее, она выжмет из тебя все соки, а ты еще скажешь ей за это большое спасибо, — искусственным мрачным тоном подтвердил Иннокентий.

В этот момент какой-то мужчина подошел к

Натали, по-свойски взял ее за руку и повел в другой угол. Она посмотрела на Лобанова и прощально помахала ему одетой в длинную до локтя прозрачную перчатку рукой. Он проводил ее взглядом.

— Кто это увел ее от нас? — спросил Лобанов у Иннокентия.

— Этот Джордж, — как показалось Лобанову, не очень охотно ответил Иннокентий.

— Он тоже чей-то потомок.

— Да, он потомок царской фамилии.

— Царской фамилии? — изумился Лобанов.

— А что тут особенного. Я встречал их немало. Видел бы ты, в каком ужасном состоянии находятся некоторые из них. Джордж же побег ее боковой ветви. Его прапрапрадед был двоюродным братом царя. А его жена из рода Лобановых-Тверских. Но ему плевать на царское родство, — вдруг со странной интонацией добавил Иннокентий.

По залу поплыла мелодия вальса. С десяток пар заскользили, словно фигуристы по льду, по натертому лаком катку-паркету. Лобанов с восхищением смотрел на танцующих. Никогда он еще не видел, чтобы люди так бы красиво танцевали.

Его глаза отыскивали Наталию и Джорджа. Из всех красивых пар это была самая красивая.

Стройная изящная партнерша и могучий почти двухметровый партнер скользили по полу столь легко, словно музыка позволяла на время танца обрести невесомость. Лобанов почувствовал, что восхищен согласованностью всех их движений и что завидуют этому их умению. И особенно завидует Джорджу.

Выражения лиц партнеров говорило об огромном блаженстве, которое дарил им танец. Они смотрели друг на друга и беспрерывно улыбались. А может быть, они улыбаются не только под воздействием прекрасной музыки, но и по другим причинам, вдруг подумал Лобанов.

Внезапно его внимание было отвлечено от этой блистательной пары. Лобанов не мог себе объяснить, почему обратил внимание на этого человека. На первый взгляд, он ничем особым не отличался от всех остальных, так же был одет во фрачный комплект. И все же у Лобанова безотчетно возникло ощущение его чужеродности.

Лобанов продолжал наблюдать за ним. И вдруг понял, что заставило обратить на него внимание. Его манера ходить. Он шел прямым на человека и только, когда до столкновения оставались считанные сантиметры, резко отклонялся в сторону. Все буквально отскакивали от него.

Внезапно мужчина своей решительной

походкой приблизился к Дмитрию Львовичу. Несколько секунд оба напряженно смотрели друг на друга. Молчаливый, но крайней напряженный диалог продолжался несколько минут. Неожиданно старый князь резко отвернулся от него. Мужчина усмехнулся, пожал плечами, словно говоря: я не виноват, это ваше решение — и двинулся с места.

Мужчина быстро прошел через весь зал, чудом не врезался в танцующие пары, и исчез в холле. Лобанов поймал себя на желание последовать за ним и посмотреть, куда он направится дальше. Но вместо этого продолжал стоять на прежнем месте.

Вальс закончился, Джордж галантно поцеловал руку своей дамы. Обменявшись несколькими словами, они затем разошлись. Натали снова подошла к ним. Ее лицо еще сохраняло вызванное танцем возбуждение.

— Джордж великолепный партнер, — сообщила Натали. — А почему вы не танцевали, господа? — Она вдруг повернулась к Лобанову. — Я хочу вас, князь, пригласить на следующий танец.

Он почувствовал, как ему сразу стало жарко. Нет, такого позора он не переживет. Он попытался ответить как можно более светски.

— Для меня ваше приглашение большая честь, но сегодня я не в настроении танцевать. Как-нибудь в другой раз.

— Второй танец ты обещала мне, — немного даже капризно произнес Иннокентий.

Она посмотрела на Лобанова, затем взглянула на Иннокентия.

— Ты пользуешься тем, что у меня образовалась нехватка в партнерах.

Лобанов снова наблюдал за наполовину обновленной парой. Иннокентий танцевал ничуть не хуже Джорджа, хотя по-иному. Если Джордж был образцом воплощения мужской силы, то Иннокентий — мужского изящества.

Он вдруг увидел, что его подзывает к себе жестом старый князь. Он подошел к нему.

— Как вы себя ощущаете в нашей среде? — спросил Дмитрий Львович.

— Не очень, — не стал лукавить Лобанов.

— В нынешние времена люди перестали учиться тому, как следует вести себя в обществе. Им кажется, что для этого не надо ничего ни знать, ни уметь. Я помню, что в молодости я тоже так думал, но мой отец сумел убедить меня в том, что умение держать себя — это долг каждого нормального человека. Ваша первейшая обязанность радовать чужой глаз своим внешним видом.

— К сожалению, я ничем подобным не могу похвастаться.

— Не волнуйтесь, мой друг, это приходит

постепенно, шаг за шагом. Подобно умению ходить у ребенка. Надо помнить одно правило: каждый внешний жест является отражением внутреннего содержания. Мы потомки умирающего класса, мы уходим и после нас ничего не остается. Если вы полагаете, что я жалею о громких именах, то вы глубоко заблуждаетесь. Я сожалею о том, что исчезают те традиции, которые вырабатывались в течение многих веков целым сословием достойных людей. Это был с их стороны большой самоотверженный труд. Эти люди меняли самих себя, создавали совсем иную мораль, чем ту, к которой привыкло большинство общества. Вы понимаете, о чем я говорю, князь?

— Боюсь, что не полностью.

Старый князь грустно посмотрел на него.

— Будем надеяться, что вы еще поймете. А пока веселитесь, здесь столько много красивых женщин. Мне бы ваши годы...

К сожалению, и в мои годы бывает не до веселья, подумал Лобанов. Он вдруг решил, что сейчас же уйдет отсюда. Он посмотрел на это общество и убедился, что не рожден для него. Так какой же смысл находиться тут еще?

Глава третья

Он решил объяснить дочери все, что

произошло. У него были основания опасаться, что жена опередит его и настроит девочку против отца. Предчувствие его не подвело.

Ворота были закрыты на замок, и потому их свидание происходило через железные прутья. Они оба словно в клетке, невольно подумалось ему.

— Аленушка, ты, наверное, уже от мамы слышала, что теперь мы с ней не будем жить вместе.

Алена посмотрела на него долгим взглядом и едва заметно кивнула головой.

— Ты все-таки уже большая и должна понять, что такое между взрослыми периодически случается. Ничего страшного в этом нет. Живут люди вместе, а потом понимают, что от этого каждому из них становится только плохо. Вот они и расстаются.

— Мама сказала, что она совсем этого не хотела, что это ты ушел от нее.

Лобанов задохнулся от возмущения. Для того, чтобы настроить ребенка против отца, Светлана не погнушалась прибегнуть ко лжи. Но что ему делать, доказывать дочери, что это неправда. Но если он станет убеждать ее в том, что ее мать лгунья, он окончательно разрушит доверие девочки к своим родителям.

— Послушай, неужели ты можешь думать, что мои чувства к тебе способны измениться. Я

тебя буду всегда любить, чтобы не произошло. Ты должна это помнить и понимать, что именно это в наших отношениях самое главное.

— Но ты не будешь жить с нами. А кто мне будет читать по вечерам?

Вечернее чтение перед сном было их ритуалом, оба особенно любили эти минуты. Именно в эти недолгие мгновения между ними возникала особая близость, которую также невозможно было описать словами, как и синеву неба. Лобанов почувствовал, что вот-вот расплечется. Только сейчас впервые он ощутил всю тяжесть развода. Они с женой думали только о себе, а ведь есть еще маленькое, но в той же мере глубоко чувствующее существо, которое, несмотря на возраст, страдает также глубоко, как и они.

— Тебе придется привыкнуть читать самой, ты уже взрослая, — грустно произнес Лобанов.

— Я не хочу привыкать, я хочу, чтобы читал ты! Зачем вы так поступили?

Из глаз девочки брызнули две струйки слез. Но и он сам готов был к ней присоединиться. Он все же не предполагал, что объяснения с дочерью окажутся для него настолько болезненными.

— Ты предал маму!

На этот раз то был явно не ее текст, без всяких сомнений, что эти слова вдолбила ей в голову Светлана. Надо отдать ей должное, она умеет это

делать. Хоть это не по-княжески, но будь она поблизости, он мог бы и не удержаться и с большим удовольствием вlepил бы ей оплеуху.

— Это не так, мама тут не совсем права. Она еще не успокоилась после развода. Пойми, мы оба решили расстаться.

Но Алена уже не слушала его, она была вся во власти собственных эмоций.

— Я не хочу тебя видеть! — воскликнула она. — Не приходи больше!

Внезапно она сорвалась с места и умчалась. Лобанов долго смотрел ей вслед, даже продолжал это делать, когда она исчезла из поля зрения.

Он не мог припомнить, когда в последний раз на душе у него было столь же мрачно. Разве только в день смерти отца.

Пока он ехал, ненависть к бывшей жене разгоралась в нем подобно облитому бензином костру. Сколько теперь потребуется лет, дабы залечить в душе дочери эту душевную травму, восстановить былое доверие между ними? Он сделал непоправимую ошибку, что чересчур долго терпел все выкрутасы этой женщины, ее мелкие пакости. И вот, как результат, дождался крупной.

Он въехал во двор, не дожидаясь лифта, помчался по лестнице. Открыл дверь квартиры и замер в изумлении: за столом сидели старый князь Дмитрий Львович, Иннокентий, Натали и Светлана.

Все пили чай и чинно беседовали.

— Здравствуйте, — после короткой заминки произнес Лобанов.

— Извините, что мы приехали к вам, князь, без приглашения, но мне вдруг очень захотелось вас увидеть, посмотреть, как вы живете, — проговорил Дмитрий Львович. — Надеюсь, вы не обижаетесь за это на нас.

— Мы никак не могли тебя отыскать, ты утром не позвонил — пояснил ситуацию Иннокентий, — и Дмитрий Львович стал волноваться: не обиделся ли ты, не случилось ли чего-нибудь с тобой неприятное? Вот я и уговорил приехать сюда.

Милая улыбка Иннокентия убивала в зародыше любую возможность негодования на него за внезапное вторжение.

— Я рад, что вы приехали, — ответил Лобанов. — Я был по делам за городом. — Он красноречиво посмотрел на Светлану, та поймала его взгляд и покраснела. Она явно поняла, на что он намекал.

— Честно говоря, мне очень хотелось посмотреть как живет последний представитель князей Лобановых-Тверских, — проговорил старый князь. — И я не стал возражать, когда Иннокентий предложил отправиться к вам с визитом.

— Вот так князь и живет, — усмехнулся

Лобанов и быстро взглянул на Натали. Но ее лицо было совершенно бесстрастно, понять по нему, что она думает, было также невозможно, как и разгадать загадку улыбки сфинкса.

— Мы уже познакомились со Светланой Михайловной, но я прошу вас, Александр Сергеевич, представить членов вашего семейства нам официально, — попросил старый князь.

— А собственно некого представлять, — ответил Лобанов. — Мы вчера развелись со Светланой Михайловной, поэтому она больше не является членом нашего княжеского дома. А молодая княжна пребывает за городом, в лагере для школьников. Кампания для нее, конечно, неподходящая, ни одной аристократической фамилии, но что делать. Я с удовольствием вас познакомлю с ней, когда она вернется.

Он заметил, как у всех разом на лицах появилось удивленное выражение. Невольно Лобанов дольше всех задержал взгляд на Натали.

Лобанов сел на стул.

— Давайте не лукавить, Дмитрий Львович, вы считаете, что условия, в которых живет последний из князей Лобановых-Тверских, просто ужасны.

— Я жил в условиях несравненно хуже, — спокойно сказал старый князь. — Был период, когда мы с женой ютились в шестиметровой комнатке, которая вдобавок располагалась в

мансарде. Когда по крыше кто-то ходил, нам казалось, что потолок обрушится прямо на наши головы. Но мы были счастливы, так как любили друг друга. Тогда я понял простую, но самую великую истину: не важно, где жить, важно, как жить и с кем жить. Когда люди любят друг друга, все остальное не имеет большого значения. А вот жизнь без любви превращается в муку даже в мраморном дворце. Я прав, молодые люди?

— Безусловно правы, дядя Дмитрий, — отозвалась Натали. — Но если любить и одновременно жить в мраморном дворце, не правда ли это самый лучший вариант.

— Да, это, конечно, лучше, — согласился старый князь, но его голос прозвучал так, словно он был не совсем уверен в правильности своего ответа. — Дорогой, Александр Сергеевич, я хочу, чтобы вы пришли бы ко мне как можно скорей. У меня осталось совсем мало времени, а мне надо с вами многое обсудить.

— Я могу прийти завтра, если вас это устроит, — сказал Лобанов.

— Я буду только этому рад. Приходите прямо с утра. А теперь с вашего позволения мы вас покидаем. Не хотим больше вам мешать. Да и у нас еще впереди большая программа. Этот город просто потрясает. А я видел множество городов. Как вам повезло, что вы всю жизнь прожили на

Родине, — вдруг грустно произнес старый князь. — До завтра.

Глава четвертая

Но прежде чем отправиться к старому князю, Лобанов получил другое приглашение. Перед тем, как уехать из его квартиры, к нему, выбрав момент, когда Дмитрий Львович долго и церемонно прощался со Светланой, буквально на мгновение подошел Иннокентий.

— Приходи сегодня вечером в мой номер в гостинице. Нам нужно поговорить. Поверь, это очень важно, — прошептал он и тут же отлетел от Лобанова, как муха от паутины.

Гости ушли, они остались со Светланой вдвоем. Несколько минут молчали.

— Такого мужчину я еще никогда в жизни не встречала, — внезапно сказала Светлана. — Кажется, теперь я начинаю понимать, что такое быть настоящим князем. — Она внимательно, словно видя его впервые, посмотрела на бывшего мужа. — Хотя по происхождению ты вроде бы князь, но ты еще не князь, — вынесла она ему злорадный приговор.

— Но может быть, им буду, а вот ты, слава богу, уже никогда не станешь княгиней, — съязвил он. — Ты бы лучше сразу же объявила им, что ты

больше не моя жена.

Понимая, что он поступает в отношении женщины не совсем по-княжески, Лобанов все же, не прощаясь, быстро вышел из квартиры. Он боялся, что дальнейшее пребывание в ней приведет к очередной ссоре.

Его путь лежал в офис. Надо было завершить последние в нем дела: аннулировать договор об аренде, выкинуть ненужные и взять с собой нужные вещи, сделать несколько звонков своим деловым партнерам, чтобы на него они больше бы не рассчитывали и искали других, более удачливых бизнесменов. Оставалось еще проблема долгов, по его прикидкам сумма выходила немалая. Но заплатить даже ничтожную толику из нее он был не в состоянии — денег у него осталось только на самое убогое житие. Даже в самых страшных снах не он предполагал, что дойдет до такого жалкого состояния.

Пока он занимался всеми этими нудными, но необходимыми делами, в город тихо и незаметно пришел вечер. Лобанов последний раз повернул ключ в замке, затем сдал его вахтеру при входе и вышел на улицу. Будем считать, что эту явно не лучшую страницу в своей жизни он перевернул окончательно, сказал он сам себе.

Он не был до конца уверен в том, что поступает правильно, направляясь к своему

новоявленному родственнику. Надо ли ему сближаться с этой великосветской компанией? В их обществе он чувствует себя не вполне свободно. Не говоря уж об обществе этой молодой баронессы фон Мекк...

Но делать все равно нечего, в противном случае придется ехать домой, где его ожидает встреча со Светланой. Причем, велика вероятность, что без скандала она не обойдется. Из двух зол он выбирает Иннокентия.

Гостиница, в которой остановился Иннокентий, оказалась весьма скромной к тому же расположенной довольно далеко от центра.

Иннокентий был не один, вместе с ним на пороге номера его вышла встречать и Натали. В отличие от затянутого в костюм с бабочкой Иннокентия, она была одета очень демократично; в джинсах и в рубашке. Но этот наряд шел ей не меньше, чем роскошное вечернее платье и вовсе не делал ее такой же как все.

— Я надеюсь, ты не против присутствия Натали? — хохотнул Иннокентий. — Тем более она наша родственница, хотя и дальняя. И в какой-то степени дело касается и ее.

Иннокентий не говорил ни о каком деле, подумал Лобанов. Но он решил, что пока нет смысла задавать вопросы, пусть они сами все расскажут.

Номер оказался тесным, как тамбур вагона, а потому они разместились в нем не без труда. Зато стол был накрыт богато; над всеми яствами царственно возвышалась бутылка дорогого французского шампанского, ее окружали не менее дорогие мясные и рыбные закуски и экибана из разнообразных фруктов.

— Прошу прощение за мои апартаменты, за такую теснотищу. Я и сам просто погибаю в этом тюремном карцере. Но что прикажите делать, большинство знатнейших семейств в наши время испытывают большие финансовые затруднения. В том числе и ваш покорный слуга, — произнес в качестве вступления не без смущения в голосе Иннокентий.

— Я привык и не к таким условиям, — проговорил Лобанов. — Вся проблема в нашей даме.

— Обо мне можете не беспокоиться. Я тоже привычная ко всему, — отозвалась Натали.

— В таком случае мы можем начинать наш дружеский ужин. С вашего разрешения, я открою бутылку шампанского.

Иннокентий сделал это с ловкостью большого знатока этого дела. И уже через несколько секунд пенистый ручей резво полился в бокалы.

— Предлагаю выпить за встречу потомков князей Лобановых-Тверских и баронов фон

Мекк, — торжественно провозгласил Иннокентий. — То, что мы через столько лет отыскиали в этом огромном мире друг друга, сродни настоящему чуду, господа. Пусть и во всех остальных делах нам сопутствует удача.

Все выпили. Лобанов внимательно наблюдал за своими родственниками. Уже во второй раз в этом номере произносится слово «дело». Нет, они пригласили его не только для того, чтобы лучше с ним познакомиться.

— Предлагаю еще один тост, за князя Дмитрия Львовича, — предложил Лобанов. — Я знаю его совсем мало, но у меня такое чувство, что это удивительный человек.

— Оно тебя не обманывает, — подтвердил Иннокентий и почему-то взглянул, словно за подтверждением, на Натали. — Таких людей в мире можно сосчитать по пальцам. Их надо заносить в красную книгу, как вымирающих животных.

— Вы тоже так считаете? — поинтересовался Лобанов мнения Натали.

— Дмитрий Львович человек изумительный. Если бы не он, я бы не получила образования. Он частично оплатил за него.

— Не знал, — произнес Лобанов. Почему-то этот факт удивил его.

— Ты еще многого не знаешь. Но если захочешь, узнаешь, — многозначительно произнес

Иннокентий. — Все зависит от тебя.

— Но пока мне даже неизвестно, что от меня зависит.

— Было бы хорошо, если бы ты подружился с ним.

— Подожди, Кеша, — проговорила Натали. — Ты ставишь в замешательство нашего гостя. Я вижу, он не знает, что нам и сказать. Я права? — посмотрела она на Лобанова.

Он ответил ей благодарным взглядом и подумал, что как ни странно, но, кажется, с ней общаться легче, нежели со своим двоюродным братом. Он по-прежнему нравился ему, но в нем ощущалось какая-то постоянная недосказанность.

Натали достала сигарету и, не дожидаясь, пока мужчины поднесут огонь, сама вытолкнула его из зажигалки. Она курила очень элегантно, причем, Лобанов ясно видел, что у нее это получалось абсолютно естественно, ни одно движения ее рук или губ не были заранее отрепетированы. По крайней мере следы таких тренировочных занятий он не обнаруживал.

— Обломок старого корабля, который новый корабль выловил в океане, и не знает, что с ним делать — уж больно он хорош, — это и есть наш дядя Дмитрий, — вдруг засмеялся Иннокентий.

Натали строго и, как показалось Лобанову, недовольно посмотрела на него, словно о чем-то

предупреждая Иннокентия.

— Этот обломок даст тебе фору, дорогой мой Кеша, — усмехнулась Натали. Затем она снова перевела взгляд на Лобанова. — Но он прав, мир действительно сильно изменился. И мы не можем этого не учитывать. Представления же дяди Дмитрия о некоторых вещах остались в другом времени.

— Что вы имеете в виду? — спросил Лобанов.

— Он верит, что мир можно изменить к лучшему.

— Но если Дмитрий Львович не такой как все и вы сами это признаете, почему другие не могут подняться до его уровня?

— Ты меня удивляешь, — нетерпеливо произнес Иннокентий, — разве ты не знаешь, что происходит с теми, кто не такие, как все. Конечно, можно снова сослаться на Дмитрия Львовича, но он исключение из правила. А мы тут все собравшиеся — правила. — Он снова разлил на этот раз коньяк по рюмкам. — Давайте, господа, выпьем, за удачу, за то, чтобы наше возвращение на Родину предков оказалось бы не напрасным.

Лобанов взглянул на Иннокентия и с удивлением обнаружил, что тот уже изрядно пьян. Пока они разговаривали с Натали, тот успел несколько раз приложиться к бутылке.

— Не обращайтесь на него внимания,

Александр, — сказала Натали. — Он мало пьет, но при этом быстро пьянеет. Но у вас ведь трезвая голова? — Ее вопрос прозвучал многозначительно.

— Не всегда, — честно признался Лобанов.

Она вдруг улыбнулась ему.

— Вы выглядите очень серьезным, а я люблю серьезных мужчин. Только в их обществе я чувствую себя по-настоящему женщиной.

— А в моем обществе ты себя женщиной не чувствуешь? — капризно произнес Иннокентий.

— В твоём обществе я чувствуя себя воспитателем, который вынужден ежеминутно следить за своим воспитанником, чтобы он не натворил бы какую-нибудь мальчишескую глупость. Ты большой ребенок, а женщинам не нравятся мужчины, которые так и не смогли расстаться с детством.

— Ну вот, — развел руками Иннокентий, — видишь, как она меня расчихвостила, — не без труда выговорил он последнее слово.

— И все же не пора ли мне узнать, что вы от меня хотите? — спросил Лобанов.

Натали и Иннокентий переглянулись.

— Нам бы хотелось, чтобы мы все держались бы вместе, — сказала Натали. — Мы, немногие оставшиеся в живых люди после сокрушительного кораблекрушения, барахтаемся в океане, держась за одну дощечку. И выплыть мы можем лишь в том

случае, если будем грести согласовано.

— Это верно, — пьяно пробормотал Иннокентий. Его глаза потеряли прозрачность и напоминали мутное стекло.

— Завтра Дмитрий Львович будет вас ждать, — сказала Натали. — Помните о нашем разговоре.

— Хорошо, я приду, — сказал Лобанов, поднимаясь. — Рад был с вами провести этот вечер.

Глава пятая

Но уйти ему не удалось, внезапно шумно отворилась дверь, и на пороге появился двухметровый гигант Джордж. Несколько секунд он осматривал диспозицию, и Лобанов ощутил на себе его пристальный взгляд. Затем его лицо расплылось в улыбке.

— О вас тут есть пир. А мне ничего не сообщать. Иннокентий, ты плохо поступать, очень плохо. — По-русски Джордж говорил бегло, но строил предложения не по существующим в языке правилам грамматики, а исключительно по своим. Акцент же был таким чудовищным, что многие русские слова в его устах приобретали даже большее английское звучание, чем сама английская речь.

— Проходи, Джорджик, — поспешно вскочил

Иннокентий. — Мы просто хотели посидеть с нашим новым другом, ближе познакомиться.

— А почему ты думать, что я не хотеть с ним ближе знакомиться. — Джордж подмигнул Лобанову. — Он всегда думать, что у него есть привилегии делать все больше, чем другие.

Джордж не без труда протиснулся вперед, так как для его большой фигуры места в номере практически не оставалось.

Лобанов встал, и они, словно влюбленные, оказались почти прижаты друг к другу. Он всегда относил себя к высокой половине человечества, но сейчас чувствовал себя непривычно маленьким, так как едва доставал Джорджу до подбородка.

Они пожали друг другу руки. Затем Джордж подошел к столу и внимательно все осмотрел. Все спиртное было уже выпито, но такая мелочь не могла смутить гиганта. Из небольшой сумки он извлек бутылку виски.

— I adore шотландский виски, — объявил о своих пристрастиях Джордж. Он разлил напиток по рюмкам. — Предлагать выпить за дружбу. Мы приехать in land предков, чтобы напиться ее соками и обрести новые силы. Я помнить, есть такой греческий герой. Черт, совсем забыть его имя.

— Его звали Антей, Джорджик, — подсказала Натали.

— Ты умница, ты все знать. Я за это тебя

всегда любить. — Джордж обернулся к Лобанову. — Когда у нас бывает meeting, я всегда восхищаться ее умом.

— А вы часто встречаетесь? — спросил Лобанов.

— Ofen. Мы же есть родственники.

— Здесь кого ни возьми, все родственники, — усмехнулся Лобанов.

— You like me, — проговорил Джордж. — Когда старик приглашать меня его сопровождать in Russia, я спрашивать его: а что мне делать в этой the country. И он мне говорить: я хотеть знакомить тебя с new parent. Я в тот момент думать: зачем мне нужны новые люди, мне хватать старых. Но затем ко мне приходиться мысль: все равно я должен куда-то ехать. Почему не сюда? И я рад, что не ошибаться. Я видеть, мы с вами могли бы стать хорошей парой.

Джордж, поймав удивленный взгляд Лобанову, вдруг громко расхохотался.

— О, я не иметь в виду геев, в сексе я like only women. Я предлагать выпить за наш общий успех. Чтобы каждый получить бы свою долю успеха. до сих пор я не иметь успех, он не иметь успех, и она тоже не иметь успех, — показал он по очереди на себя, на Иннокентия и Натали.

Лобанов вдруг почувствовал, как последние слова пришлись не по вкусу ни тому, ни другой. Он

ощущал, как растет напряжение в этой малюсенькой комнатке. Все смотрели друг на друга так, словно ждали провокации, но не знали, от кого она последует.

Внезапно Джордж положил свою тяжелую, словно кувалду, руку, на плечо Лобанова, и оно под тяжестью этой богатырской длани немного даже прогнулось.

— Вы должны мне непременно показывать, где тут хорошо проводить time. Где можно тут поиграть?

— Поиграть? — не понял его сразу Лобанов.

— Рулетка, карты. Если я через полчаса не оказаться в казино, я стану умирать от скуки. Я не сомневаться, что вы знать хорошее заведение.

Лобанов слегка пожал плечами. Разумеется, он знал пару подобных местечек. Более того, одно время даже посещал их. Это было в тот счастливый период его жизни, когда у него завелись деньги. И однажды вечером, томясь, подобно Джорджу, от скуки, он решил попытать счастья. Но счастья за игровым столом к нему так и не пришло, двух визитов в казино хватило, чтобы он проиграл все, что заработал за пару месяцев. Лобанов зарекся не посещать эти злачные заведения.

— Ну, чего мы сидеть тут! — решительно воскликнул Джордж. — Все немедленно поехать.

У Лобанова в бумажнике сиротливо лежали

последние двести долларов. Но сейчас им вдруг овладела бесшабашность. В конце концов, проиграть их — не такая уж большая потеря.

Вся кампания уселась в его автомобиле. Рядом с ним устроилась Натали. Достаточно ему было немного протянуть руку в сторону, и он мог коснуться ее плеча.

Они подъехали к казино, в котором Лобанов когда-то оставил свои деньги. Это было далеко не самое лучшее подобное заведение в городе, зато он помнил, что здесь можно выпить кружку пиву вполне по приемлемой цене.

Они вошли в зал, и Джордж уверенно, словно был здесь уже десятки раз, зашагал к рулетки. Было очевидно, что он чувствовал себя в подобных заведениях как у себя дома. Увидев, что Лобанов отстал от него, он решительно повернулся к нему.

— Ты ходить очень медленно. Я чувствовать, тебе сегодня повезти.

Лобанов сидел за игровым столом и смотрел, как крутящийся на рулетки шар вот-вот поглотит его первые сто долларов. Так и произошло. Джордж, который тоже проиграл, обернулся к нему.

— У тебя есть еще money.

Лобанов протянул ему последние сто долларов.

— Это все? — спросил удивленный Джордж.

— Все, — выдохнул Лобанов.

— Я тоже больше ничего не иметь. Слушать меня, — Джордж наклонился к Лобанову, — давать каждый поставит по половинке. O kei.

— Я не против.

— Сейчас мы будем выигрывать, я чувствовать это своей печеню. Ставим на семерку, это есть мое самое счастливое число.

Джордж обменял деньги на жетоны. Лобанов снова стал следить за метящим в плену рулетки шариком. За их спиной стояли Натали и Иннокентий и не менее внимательно наблюдали за тем, что творится за игровыми столом.

Рулетка замерла, и шарик скатился в сектор номер семь.

Глава шестая

Лобанов проснулся поздно и с немалым трудом. Голова по тяжести вполне могла сравниться с большим чугунным шаром, которым разрушают отжившие свой век дома. Он поднялся с кровати и убедился, что ноги не без труда удерживают тело, которое покачивалось по очереди во все стороны света, подобно кораблю в штормовую погоду.

Такой ночи он не переживал давно. Джордж был совершенно неутомим. Он буквально силой заставлял его снова и снова играть в рулетку, и

удача следовала одна за другой. Половина зала столпилась за спиной Лобанова и молча наблюдала за сольным номером счастливирика.

Горка жетонов стремительно росла перед ним, но Джордж не позволял ему прекратить поединок с судьбой, всякий раз уверяя, что фортуна еще не отвернула от них свое благосклонный лик. И самое поразительное состояло в том, что в большинстве случаев великан оказывался прав.

Они вышли из казино под утро, когда далеко на востоке высоко в небе появились первые светлые проблески. Все карманы Лобанова были забиты долларами. О том, чтобы отправляться всем спать не могло быть и речи, по крайней мере, Джордж даже и слышать не желал о таком примитивном развитии событий. На попытавшего было Иннокентия отколоться от них, он прямо на улице громко наорал на английском и едва не съездил ему по голове. Несмотря на сверхранний час, эта сцена привлекла немало зрителей. Лобанов припомнил некий клуб, который работал в эти ночные часы.

Сколько они выпили, этого Лобанов не помнил. Джордж представлял собой бездонный резервуар, в котором могло уместиться любое количество алкоголя.

Лобанов подошел к лежащему на кресле пиджаку и стал выгребать все из кармана. На пол упали пачки долларов. Он тщательно их

пересчитал. Он отлично помнил, что выиграл три тысячи долларов. Здесь же было ровно половина. Часть денег он само собой оставил в ресторане. Сколько не помнит, но не полторы же тысячи баксов? Таковую сумму за один раз даже Джордж не был в состоянии пропить.

Лобанов попытался припомнить, куда могли испариться деньги? Но в памяти зиял черный провал.

Лобанов взглянул на часы. Они помогли ему вспомнить, что его ждет Дмитрий Львович. Черт, он уже опаздывает, а для князей опоздание недозволимая роскошь. Это удел простолюдинов и королей, если они не хотят показаться слишком вежливыми.

Подъехав к гостинице, он подумал, что его должен встречать Иннокентий. И едва Лобанов вспомнил о своем родственнике, как он, словно материализовавшись из его мысли, возникнул перед ним. Бурная ночь не оставила на его внешности никаких зримых следов: он был чисто выбрит, на нем был хорошо отглаженный костюм со свежей рубашкой. Лишь присмотревшись, становилось заметно, что веки чересчур красные, а зрачки слишком мутные.

— Дмитрий Львович беспокоится, что тебя нет, — сказал Иннокентий. — Уже несколько раз спрашивал о тебе.

— Я с трудом встал, — признался Лобанов.

Иннокентий рассмеялся.

— Зато теперь ты знаешь, что такое Джордж. Университет, в котором он учился, расположен в маленьком городке. Когда Джордж с кампанией появлялся на улице, там моментально все прятались по домам. Даже полиция его боялась.

— Почему же его не выгнали из университета?

— Ты что, они им дорожили, как крупным бриллиантом. Особа царской крови. Такая реклама! Посмотреть на него съезжались люди из нескольких соседних штатов. Ладно, о Джордже потом, а сейчас идем быстрее.

Номер, который занимал старый князь, оказался не слишком большим, но был гораздо просторней и уютней, чем тот, в котором поселился Иннокентий.

— Вот привел, гостя, которого вы ожидали, — как всегда с почтением произнес Иннокентий.

Старый князь осуждающе посмотрел на Лобанова.

— Почему опоздал? В нашем роду нет такого обычая — заставлять других ждать себя. Или что-то изменилось. Тогда почему я ничего об этом не слышал?

— Ничего не изменилось, Дмитрий Львович, я сильно виноват, — ответил Лобанов. — Простите

меня. Обещаю, этого больше не повторится.

С лица старого князя сошла суровость.

— Садись, — милостиво разрешил он. — Знаю, что вы ночью куролесили. Мне он все рассказал. — Дмитрий Львович посмотрел на Иннокентия. — А ты иди, мы с Александром Сергеевич наедине поговорим.

Оставшись наедине, они несколько минут молчали. Лобанов смотрел на сидящего напротив него человека: на его благородное лицо, увенчанное, несмотря на возраст, густой короной седых волос, на тонкие и длинные совсем не старческие пальцы, в которых сохранились еще немало сил и гибкости. Ему казалось, что он попал в какой-то нереальный мир, где словно в сказке, живут принцы, князья, короли, о которых ему в детстве читал перед сном отец. Но самое удивительное в том, что он и сам плоть от плоти принадлежит этому странному пространству, где время все перепутало и смешало, как колоду карт; на месте настоящего вдруг появилось прошлое, а на место прошлого медленно, но верно наползает будущее... И он сам уже не знает, в каком из миров он находится, в каком направлении движется.

— Рассказывай, — вдруг остановил поток его мыслей голос старого князя.

— Что рассказывать? — спросил Лобанов.

— Я хочу знать, как можно больше о твоей

жизни, — нетерпеливо проговорил старый князь.

— Но зачем это вам?

— Потом узнаешь! — резко проговорил он. — Я старый человек, меня уже скоро ждет вечный покой. Главой рода князей Лобановых-Тверских согласно старшинству становишься ты. И пока я еще жив, мне хочется знать больше о тебе. Потом я уже не сумею ничего разузнать и изменить. Я не имею право на ошибку в своем решении.

— Простите меня. Просто я не привык особенно распространяться на эту тему. Да никто историей моей жизни не интересовался. Попробую что-нибудь рассказать, — задумчиво произнес Лобанов. — С самого детства я был очень непостоянен во всем. Я перепробовал множество занятий, но все, что начинал, почему-то рано или поздно бросал. У меня довольно рано обнаружился талант художника, обрадованные родители в надежде на мою гениальность определили меня в изостудию. Я походил года два, мой учитель считал меня самым талантливым своим учеником. Но однажды я почувствовал, что больше не хочу рисовать. И хотя все, кто только мог, пытались заставить меня продолжать занятия, я упрямо стоял на своем. Рассказывать дальше?

— Непременно. Я тебя внимательно слушаю.

— После школы я решил стать военным. До сих пор точно не знаю, почему вдруг возникло

такое желание. Но меня особенно тянуло в десантные войска. Хотя родители были резко против, я поступил в училище. Затем почти двенадцать лет отслужил в армии. Целый год их них я провел на войне. Нас отправили на юг, усмирять взбунтовавшийся народ. Там мы попали в самое настоящее пекло, рядом со мной десятками умирали мои товарищи, сослуживцы, подчиненные. И хотя мы делали нужное дело, я вдруг почувствовал, что это не для меня. Убивать самому, видеть, как погибают другие — все это вызывало во мне отвращение. Боялся ли я? Разумеется, боялся, но могу честно признаться: все же не страх руководил мной. Я способен его преодолевать. Вскоре после того, как нашу часть вернули к месту постоянной дислокации, я подал рапорт об увольнении. Меня отговаривали вплоть до командующего армии, намекая на скорое повышение и вообще на блестящую карьеру, которая меня ждет. Но если я принимаю решение, я уже не отступаю от него. Даже если начинаю понимать, что это решение не самое лучшее.

— Я тоже действую точно таким же образом, — вставил старый князь, и Лобанову послышались в его голосе нотки удовлетворения и одобрения.

— На гражданке поменял несколько специальностей и работ. Потом решил: хватит